

XII.

„Ищите ее среди мертвыхъ!“ — эти слова преслѣдовали Лашмера неотступно. Они звенѣли въ его ушахъ во весь вечеръ, которому, казалось, конца не будетъ, и когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, слушая бессмысленную болтовню кругомъ себя, и затѣмъ въ гостиной, гдѣ лэди Кэрмино съ неутомимымъ терпѣніемъ играла ноктюрны и мазурки, полонезы и вальсы кружку поклонниковъ, столпившихся вокругъ фортепьяно и восторгавшихся прелестью новаго венгерскаго композитора.

— Такъ оригинально, такъ патетично! — говорилъ одинъ.

— Да, у него есть какая-то тонкая, недоговоренная мелодія, — замѣтилъ капитанъ Вавасуръ.

— Да, недоговоренная музыка, — согласилась мистриссъ Мольчиберъ. — Это какъ разъ подходящее слово. Мелодія скорѣе намѣченная, нежели выраженная.

— Для неопытнаго уха это производитъ такое впечатлѣніе, точно человѣкъ что-то силится сказать и никогда не можетъ выговорить, — замѣтила въ свою очередь лэди Софія смѣло.

— Я боюсь, лэди Софія, что мы съ вами недостаточно музыкально развиты, чтобы оцѣнить тонкости новѣйшей музыки, — сказалъ Несторіусъ, отходя отъ фортепьяно. — Штрихи слишкомъ неувимы, тѣни слишкомъ блѣдны. Намъ нуженъ болѣе яркій колоритъ, какъ у старинныхъ мастеровъ, напримѣръ, у Моцарта. У него все понятно.

Лашмеръ повернулся спиной къ группѣ у фортепьяно и спокойно ходилъ по комнатѣ, то беря книгу и снова кладя ее на мѣсто, даже не раскрывая, то засовывая руки въ карманы и разсѣянно глядя на вазу съ пармскими фіалками или розами. Наконецъ болтовня стала для него нестерпима, и онъ ушелъ въ комнату матери.

Онъ не видалъ ея съ утра. Передъ завтракомъ онъ ходилъ къ ней на минуту и нашелъ ее очень слабой и нервной, слишкомъ больной, чтобы выйти къ гостямъ.

— Если я почувствую себя въ силахъ, то сойду къ обѣду, — сказала она; но обѣденный часъ наступилъ, а милэди прислала сказать, что извиняется.

Лашмеръ нашелъ мать у огня въ будуарѣ; около нея стояла этажерка съ книгами и лампа, но она, очевидно, не читала. Она сидѣла въ унылой позѣ, задумчиво глядя въ огонь, и вздрогнула при появленіи сына.